ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ И ПРИСВОЕНИЯ ПРИРОДНОЙ РЕНТЫ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

А. В. Виноградова

В статье выполнен анализ институтов формирования и присвоения природной ренты на примере нефтегазового сектора экономики; выявлены механизмы образования политической и инсайдерской ренты; определены сферы рентоориентированного поведения в экономике России; предложена оптимальная система прав собственности на недра.

В России в период плановой экономики не было необходимости выделения рентной составляющей в чистых доходах предприятий, поскольку ими полностью распоряжалось государство. Природные ресурсы фактически не получали стоимостной оценки, цены продукции, производимой на их основе, были занижены, и общество получало выгоду непосредственно, а прибыль расходовалась в основном на воспроизводство минерально-сырьевой базы. В связи с переходом к рыночной экономике возникли новые отношения собственности по поводу распределения и присвоения природных ресурсов. Однако из-за длительного кризисного состояния экономики наибольшее внимание органов государственной власти и российских ученых-экономистов уделялось проблемам финансовой стабилизации, и проблематика рентных отношений отходила на второй план.

В условиях размытости институциональной среды механизм формирования природной ренты стал непрозрачным, права собственности на природные ресурсы — неопределенными, что создало возможность присвоения рентных доходов владельцам капитала. Место институционального вакуума заняла система неэффективных институтов рентных отношений.

В условиях сложившейся конъюнктуры на мировом рынке энергоресурсов наибольшая величина природной ренты в России возникает в нефтегазовом комплексе (НГК). Для дальнейшего исследования будем рассматривать этот сектор экономики, а также введем понятия «институциональный механизм» (рис. 1) и «институциональная среда».

Институциональный механизм в нефтегазовом комплексе представим следующим образом:

— политический механизм — последовательная государственная политика институционализации конкурсного порядка распределения месторождений; концептуальные решения государства по расходованию бюджетных средств от нефтедобычи, отражаемые в бюджете как региона, так и страны в целом; жесткость мер по борьбе с коррупцией в органах власти;

— правовой механизм — законодательное регулирование деятельности нефтегазовых компаний, юридически зафиксированные права собственности не только на недра, но и на полученный рентный доход от их использования, согласование нормативно-правовых актов всех уровней власти; организация контроля за соблюдением законодательства;

— финансовый механизм — разработка механизма стимулирования полного и рационального извлечения ресурсов; снижение неэффективного распределения доходов вследствие трансферного ценообразования и перекрестного субсидирования; организация четкого финансо-

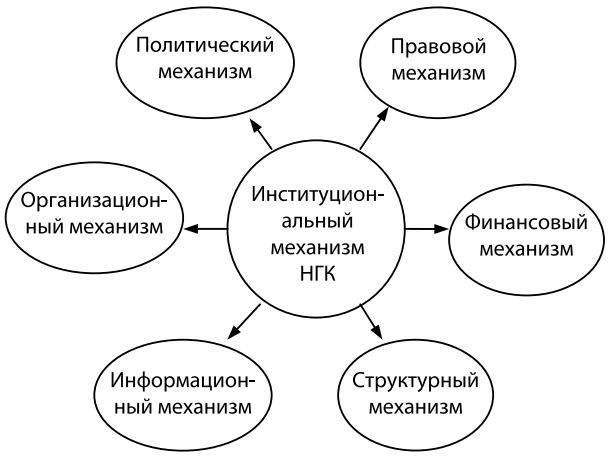

Рис. 1. *Институциональный механизм НГК*

вого контроля за доходами и расходами добывающих компаний;

— организационный механизм — рационализация организационной структуры управления на нефтегазовых предприятиях, разработка процедур проведения конкурсов и аукционов по продаже месторождений (система оценки);

— структурно-функциональный механизм — взаимосвязь структурных частей организации через распределение и закрепление между ними выполняемых функций.

— информационный механизм — оглашение в специализированных изданиях и СМИ данных, осведомляющих население о величине дохода в сырьевых отраслях и ее распределении; формирование положительного отношения общества к деятельности предприятий НГК.

Природная рента имеет по своей сути естественную природу, но возможно некоторое манипулирование ее образованием и присвоением с помощью искусственно формируемой и поддерживаемой институциональной среды. Для этого заинтересованными лицами и организациями разрабатываются правила, обеспечивающие создание ренты и направление потоков ее распределения.

В целом институты играют положительную роль в жизни общества. Если представить на минуту, что все институты исчезли, то наступил бы хаос, который, в свою очередь, длился бы не вечно, поскольку стремление людей к упорядочению своей жизни привело бы к созданию новых институтов [1, с. 41]. Как писал Ф. Хайек, «занимаясь экономической деятельностью, мы не знаем ни потребностей других людей, ни источников получаемых нами благ. Практически все мы помогаем людям, с которыми не только не знакомы, но о существовании которых и не подозреваем. И сами мы живем, постоянно пользуясь услугами людей, о которых нам ничего не известно. Все это становится возможным благодаря тому что, подчиняясь определенным правилам поведения, мы вписываемся в гигантскую систему институтов и традиций: экономических, правовых и нравственных» [17, с. 29]. По мнению Дж. Ходжсона, «институт — социальная организация, которая через традицию, обычай или законодательное ограничение ведет к созданию долгосрочных и устойчивых образцов поведения» [19, с. 10]. Согласно утверждению В. М. Полтеровича, открытие «институтов как “правил игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданных человеком ограничительных (институциональных — прим. автора) рамок, которые организуют взаимоотношения между людьми, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» [8, с. 17].

В то же время из институционального хаоса может возродиться система дисфункциональных институтов, если этот процесс никем не регулируется. Тогда возникают «институциональные ловушки» в экономике — система сопряженных неэффективных, сложно реформируемых институтов. В. М. Полтерович связывает возникновение дисфункций с трансплантацией институтов и появлением переходных рент [13, с. 24-50]. Любая трансплантация изменяет систему ограничений, действующих в экономике, и, следовательно, инициирует процессы перераспределения ренты. При шоковом характере трансплантации и «плохих» (удаленных от нового равновесия) начальных условиях объем перераспределяемой ренты может оказаться значительным, а перераспределительная деятельность — гораздо эффективнее вложений в производство. «Соискатели ренты» выигрывают, а производители несут потери. Если трансплантационный шок не смягчается социальной и промышленной политикой, то проигравшие вскоре тоже переключаются на перераспределительную деятельность, а это ведет к новым потерям. Активизация перераспределительной деятельности (лоббирования, коррупции и т. п.) порождает трансплантационные дисфункции. По мнению А. Ослунда, приведенные рассуждения справедливы, если в результате трансплантации возникают новые ограничения и, соответственно, новые привилегированные позиции.

Либерализация же ведет к ослаблению ограничений и должна подавлять процессы перераспределения. Отсюда заключение А. Ослунда: чем радикальнее реформа, тем меньше возможностей для присвоения ренты, тем эффективнее экономический механизм [10, с. 99-108]. Эта точка зрения доминировала в предреформенные годы и явилась, по утверждению В. М. Полтеровича, одной из наиболее серьезных ошибок сторонников быстрой либерализации. Суть ошибки состоит в игнорировании переходных процессов, порождаемых либеральными реформами. Отменяя ограничения, государство одновременно отказывается от поступавшей к нему ренты. Она-то и становится предметом борьбы.

Институты формирования и присвоения ренты создаются как на уровне государства, так и на уровне предприятия. Соответственно, платой за создание и поддержание первых является политическая рента, а платой за вторые — инсайдерская рента.

Политическая рента является одним из наиболее малоизученных вопросов в области экономической теории. Особое внимание эта экономическая категория заслуживает именно при рассмотрении структуры формирования рентных доходов в рыночной экономике современной России. Рассмотрим сущность политической ренты, механизмы ее возникновения, причины существования, наиболее привлекательные сферы рентоориентированного поведения в современной российской экономике, а также методы борьбы с ней.

Теория политической ренты стала активно разрабатываться экономической наукой на рубеже 1960–1970-х гг. Разработка данной категории является крупным достижением в теории общественного выбора, берет начало от работ Гордона Таллока и Энн Крюгер. Поиск политической ренты — это стремление экономических агентов получить экономическую ренту с помощью политического процесса. Экономические агенты предпринимают усилия, направленные на получение исключительных преимуществ, поставив принуждающую силу государства на службу частных интересов [9, с. 379]. Сам термин «поиск ренты» впервые появился в работе Энн Крюгер. По ее словам, «во многих рыночно ориентированных экономиках правительственные ограничения экономической деятельности — это реальный, осязаемый факт. Эти ограничения способствуют появлению различных форм ренты, и люди часто вступают в конкуренцию за нее. В некоторых случаях такая конкуренция совершенно легальна. В других случаях поиск ренты приобретает несколько иные формы, такие как взяточничество, коррупция, контрабанда и черные рынки» [20, с. 291]. В современной экономике рентоориентированное поведение может проявляться в самых разнообразных формах (в частности, это может быть борьба за предоставление монопольных прав на производство каких-либо товаров или услуг; попытка добиться льготного налогообложения для фирм или индивидов, объединенных по какому-либо признаку; инвестиции в строительство административных барьеров; борьба за увеличение импортных пошлин и т. д.), основная цель поиска ренты во всех случаях заключается в ограничении конкуренции и получении каких-либо монопольных прав [4, с. 257].

Политические партии на выборах оплачиваются бизнес-структурами, нацеленными на совместный поиск ренты. Законодатели, участвуя в политическом процессе, стремятся провести такие решения, чтобы гарантировать себе получение экономической ренты за счет общества. «В случае избрания, — справедливо отмечает Бьюкенен, — политик свободен определять свою позицию по вопросам о расходовании средств и налогообложении. Он контролируется избирателями, поскольку должен учитывать перспективы переизбрания, обеспечить себе долгосрочную партийную и общественную поддержку. Но даже у политика, который очень чувствителен к этим ограничениям, остается широкая свобода политического выбора. Политик выберет тот вариант решения из набора приемлемых для себя альтернатив, исполнение которого максимизирует его собственную полезность, а не полезность его избирателей. Такая возможность выбора является одним из основных побудительных мотивов политиков. В широком смысле слова — это их “политический доход”, и он должен рассматриваться как часть общего вознаграждения за исполнение должностных обязанностей» [2]. Правительственные чиновники также стремятся получить материальные выгоды как за счет общества в целом, так и отдельных лиц, добивающихся принятия определенных решений.

Политическая рента связана с использованием властных полномочий в экономике, искусственным ограничением конкуренции. Конкуренция при этом не исчезает, а переносится

из собственно рыночной сферы в сферу воздействия на государство (из экономической сферы в политическую). Вместо затрат на совершенствование экономических благ дополнительные затраты направляются на политическую деятельность: на финансирование политический партий, на лоббирование, на подкуп, взятки и т. п. [9, с. 379]. Дж. Бьюкенен выделяет три типа расходов, связанных с поиском ренты:

1) расходы потенциальных получателей монополии;

2) усилия бюрократов, стремящихся превратить в свои доходы расходы потенциальных монополистов;

3) искажения, возникшие в результате образовавшейся монополии или деятельности государства, направленной на поиск политической ренты.

Классическая модель поиска ренты довольно проста (рис. 2).

Она опирается на модель чистой монополии. В условиях чистой монополии происходит сокращение выпуска продукции с *Qc* до *Qm* и повышение цен с *Pc* до *Pm*. Прямоугольник *R* составляет политическую ренту, полученную за счет потребительского излишка, а треугольник *L* означает общественные издержки монополии в связи с поиском ренты.

Формы этого поиска могут быть разнообразны:

— поиск ренты через создание ограниченного доступа в ту или иную деятельность;

— поиск ренты через регулирование цен и объемов выпуска, которые приводят к повышению монопольной власти;

— поиск ренты через тарифы и квоты также способствует ограничению конкуренции.

Те, кто выигрывает в результате поиска ренты, окупает свои затраты. Для проигравших эти затраты окажутся невосполнимыми потерями. Поэтому в результате происходит так называемое рассеяние ренты, когда ее сумма уравновешивается с издержками, связанными с ее поиском. В пределе величина политической ренты может быть сравнима с суммой, затраченной на ее получение. По словам Р. М. Нуреева, «перераспределение — не только цель в погоне за рентой, но и ее основной инструмент, с помощью которого осуществляется финансирование партий, политиков, чиновников. Отрицательной стороной этого процесса являются потери, связанные как с издержками по перераспределению, так и с искажением мотивации (трудовой, предпринимательской и т. д.) экономических агентов» [9, с. 380].

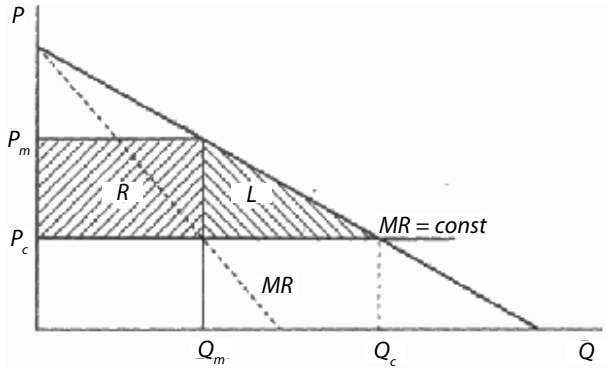

Рис. 2. *Классическая модель поиска ренты*

Оригинальную трактовку определения поиска ренты дал Л. Полищук: под ним следует подразумевать «непроизводительную экономическую деятельность, растрачивание ценных ресурсов, которые могли бы в иных обстоятельствах служить производству дополнительных благ и услуг» [12, с. 7]. Ренту же, как считает А. К. Хилман, можно определить, как «платеж …, который индивид получает сверх необходимого» [18, с. 84], или же как А. П. Заостровцев, который считает, что рента — это «доход владельца ресурса, превышающий альтернативную стоимость его использования» [3, с. 70]. Ж. Ролан утверждает, что «передача основной массы государственной собственности в частные руки (в результате приватизации) — просто уникальная историческая возможность присвоения ренты» [15, с. 85]. А. С. Скоробогатов пишет, что стремлением максимизировать рентные доходы в переходный период можно объяснить и спад инвестиций, и недостаток оборотных средств, и криминализацию хозяйства. Он выделяет два аспекта связи поиска ренты и сокращения инвестиций: «Во-первых, рентоориентированное поведение вытесняет поиск прибыли, реализуемый при помощи инвестиций. Во-вторых, инсайдерский контроль, препятствующий аутсайдерам инвестировать в производство, является результатом поиска ренты со стороны руководителей и работников предприятий» [16]. Очевидным является связь поиска ренты и с криминализацией хозяйства и деятельностью теневых структур. Криминальное происхождение доходов объясняется особенностями проводимой приватизации. Между поиском ренты и недостатком оборотных средств существует собственная взаимосвязь: дефицит оборотных средств обеспечивает

монополизацию отрасли и контроль со стороны управленцев. При тесной взаимосвязи предприятий друг с другом, очевидно, что большинство предприятий реализует возможность извлечения рентного дохода от монополии.

Рассмотрим механизмы возникновения политической ренты.

1. Лоббизм — особая система и практика реализации интересов отдельных организаций и разнообразных групп общественности путем целенаправленного влияния на законодательные и исполнительные органы государственной власти. Лоббизм строится, как правило, на взаимовыгодном обмене между бизнесом и законодательной властью: первая сторона получает необходимые ей «послабления» в области ценовой и налоговой политики, вторая (в лице депутатов и их партий) — материальную поддержку на предстоящих парламентских выборах. Во многих случаях такого рода сделки оборачиваются большими внешними издержками для общества, которое, в отличие от заинтересованной группы, вынуждено испытывать на себе отрицательные последствия принятого закона. Ярким примером лоббирования в российской экономике являются выборы в Государственную Думу. В избирательных списках присутствуют представители олигархических структур, которые в большей степени заинтересованы в финансовых результатах своих компаний, нежели в общественном благосостоянии. Так, даже из 18 основных кандидатов в депутаты в избирательных списках Российской коммунистической партии не менее пяти — миллиардеры[1]. Бывший глава Министерства здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов контролирует 35% финансовых средств компании «Аэрофлот». Подобные примеры в российской практике, к сожалению, не единичны, но следует отметить, что в 1990-е годы списки олигархов в составе правительственных структур были значительнее (например, назначения — сроком на полгода — Владимира Потанина и Бориса Березовского на важнейшие государственные посты). Сейчас механизм лоббирования несколько изменился. В настоящее время русские бизнесмены предпочитают либо оплачивать услуги официальных лиц, либо покупать должности для своих ставленников. По оценкам А. Ослунда, стоимость министерского портфеля исчисляется десятками миллионов долларов — цена зависит от того, о каком министерстве идет речь и кому именно надо платить; на заместителей министров тарифы ниже, да и разброс цен меньше — от 8 до 10 миллионов [11]. В Государственной думе отдельные олигархи финансово поддерживают по нескольку депутатов, а те уж стараются блюсти деловые интересы своих друзей.

2. Логроллинг — практика взаимной поддержки политических деятелей различной ориентации, помогающих друг другу добиваться нужных решений путем «торговли голосами» (по принципу «я голосую за тебя, а ты — за меня»), в результате чего могут приниматься решения, приносящие выгоды отдельным группам давления.

3. Гонорары за лекции и публикации, которые платят народным избранникам. За рубежом политические деятели также нередко получают гонорары, больше чем премии Нобелевских лауреатов.

4. Политические пожертвования. Например, в 1965 г. в сенате США широкую огласку получило дело сенатора-демократа Т. Додда. Собрав «для проведения публичных обедов» взносы на полмиллиона долларов, он потратил их не на общественные нужды, а на оплату своего подоходного налога, на ремонт личного дома и просто на посещение клубов и ресторанов. Так как комитет сената по этике ограничился в отношении корыстолюбивого сенатора лишь порицанием, модно предположить, что подобным образом поступали, видимо, и большинство его коллег.

5. Отклонение прямых издержек одного проекта от его действительных затрат, которые должны включать все внешние эффекты, оказываемые им на другие проекты или статьи бюджета. Коллективные решения редко принимаются непосредственно избирателями, то есть теми людьми, которые платят налоги и которые, как предполагается, выигрывают от того, что государство обеспечивает их общественными благами [2].

Поддержание институтов поиска ренты обусловлено особенностями самого политического процесса, его трудно устранимыми изъянами. Так, выделяют «парадокс голосования», или «парадокс Кондорсе», — это противоречие, возникающее вследствие того, что голосование на

[1] Алексей Кондауров работал в ЮКОСе, как сообщает газета «КоммерсантЪ», хабаровский региональный партсписок коммунистов возглавит Юрий Матвеев — бывший вице-президент компании «Роснефть» и др. (по данным www.inopressa.ru (дата обращения 11.03.2008)).

основе принципа большинства не обеспечивает выявления действительных предпочтений общества относительно экономических благ. К. Эрроу показал принципиальную ограниченность демократических процедур как таковых, доказав теорему о невозможности: когда предметом общественного выбора становится решение, предполагающее ухудшение положения отдельных членов общества (даже если общество в целом от него выигрывает), то не всегда существует возможность сделать выбор одновременно рациональным и недиктаторским (учитывающим все мнения). Общественный выбор на практике осуществляется через систему политических институтов, эффективность которой, в свою очередь, зависит от принципов, на которых она строится. И прямая, и представительная демократия имеют свои «плюсы» и «минусы». Прямая демократия позволяет принять решение, отвечающее интересам большинства членов общества. В то же время издержки принятия решений при представительной демократии значительно ниже, поскольку нет необходимости собирать референдум по каждому случаю, связанному с изменением законодательства. Однако при представительной демократии значительно возрастает риск того, что решение будет принято в интересах отдельных лиц или групп, а не общества в целом [1, с. 144].

Все описанные механизмы с помощью политических инструментов создают искусственные условия для перераспределения природной ренты в пользу заинтересованных в ней лиц, в результате чего возникают различные противоречия между интересами власти и общества в целом.

На уровне исполнительной власти также возможно принятие решений, которые не отвечают интересам большинства членов общества. Бюрократы могут растрачивать часть ренты правителей, а могут создавать собственную ренту через взаимодействие с обществом. По мнению Бьюкенена, бюрократическая система неэффективна в силу, по крайней мере, трех причин. «Зло бюрократии», во-первых, в том, что она осуществляет выбор не с точки зрения экономических ценностей людей, а по иным критериям. Во-вторых, бюрократизм порождает отношения зависимости между власть имущими и подчиненными (Бьюкенен называет это неоправданными классовыми различиями). В-третьих, борьба за доступ к ценным благам является расточительным использованием ресурсов общества. «Такие черты, как фаворитизм, дискриминация (как в пользу, так и против отдельных лиц), произвольная классификация граждан по тому или иному признаку, почти неизбежно присущи любой системе, ставящей людей в зависимость от бюрократов...» [2].

Для россиян образ бюрократа, транжирящего на личные нужды «общественное достояние», стал настолько традиционным, что, пожалуй, даже не воспринимается как аномалия. В развитых странах Запада коррупция и казнокрадство менее привычны, но и там их, увы, более чем достаточно.

Российские и зарубежные авторы в своих исследованиях выделяют различные сферы рентоориентированного поведения. Так, в переходной российской экономике, А. Ослунд считает, что «банковское дело» представляет одну из наиболее рентоориентированных отраслей хозяйства [10]. Можно выделить три важнейших источника ренты в данном секторе: 1) льготные кредиты Центрального банка, либо обслуживание государственных финансов, 2) лоббирование ограничения конкуренции; 3) кредитование безрисковых правительственных и прочих программ [15, с. 96]. Кроме того, банки пользовались отсутствием элементарных экономических знаний у населения и принимали от него вклады по отрицательной ставке процента. Таким образом, государство и население оказались главными источниками дешевых ресурсов для финансовых институтов.

С точки зрения М. Ю. Малкиной, в реформируемой российской экономике наиболее привлекательными сферами рентоориентированного поведения являются:

— сфера бюджетных и межбюджетных отношений, являющаяся ареной борьбы за перераспределение фискальной ренты;

— сфера передела собственности. Если раньше действенным механизмом присвоения ренты было ограничение доступа к приватизационным торгам, в результате чего возникала заниженная стоимость продаваемых в частную собственность объектов государственной собственности, которая собственно и порождала ренту капитального характера, то в настоящее время эффективным институтом влияния бюрократии на имущественные отношения стало так называемое политическое банкротство;

— сфера регулирования деятельности естественных монополий и деятельности в сфере по-

лучения и распределения природной ренты [7, с. 39].

В богатейшей природными ресурсами стране само собой разумеющимся является тот факт, что добывающие отрасли являются самыми доходными отраслями экономики России. Естественные монополии в современной России (ОАО «Газпром», ОАО РЖД и др.) являются высокорентабельными отраслями, что неизбежно привлекает в эту сферу искателей ренты. В отношении данных компаний действует антимонопольная политика, но практика показывает (например, повышение тарифов ОАО РЖД на пассажирские перевозки в новогодние праздники), что правительство не препятствует созданию сверхдоходов, что свидетельствует о его заинтересованности в этом в личных целях, однозначно не в общественных.

Институты формирования и присвоения ренты создаются также и на уровне предприятия. Соответствующей платой за создание и поддержание этого дохода выступает инсайдерская рента. Этот вид ренты в последнее время получил широкое распространение, а понятие это появилось не так давно и в литературе встречается довольно редко. Через контроль за финансовыми потоками у менеджеров компаний появляется возможность «уводить» деньги с предприятий, применяя различные механизмы. Чем выше степень контроля за активами фирмы, тем, соответственно, больше величина инсайдерской ренты. В странах с устойчивой институциональной средой подобные случаи являются эпизодическими и кратковременными. В условиях же переходной экономики с постоянно меняющимся законодательством создается широкий спектр для получения подобного рода доходов. Такое негативное явление существенно отражается на инвестиционной привлекательности российских компаний и низкой (по сравнению с зарубежными предприятиями) стоимости акций. Борьба за право доступа к активам предприятия нередко сопровождается внутрифирменными конфликтами и интригами, что неизбежно оставляет отпечаток на финансовых результатах компаний и, как следствие, внутренние инвестиции также занижены. Таким образом, и внешние, и внутренние инвестиции поступают на развитие реального сектора экономики в малом объеме.

Причинами широкого распространения инсайдерской ренты в российской экономике, на наш взгляд, являются:

— неустойчивая институциональная среда;

— длительный период высокой безработицы (1992–2000 гг.), что понизило активность других членов фирмы, не входящих в круг инсайдеров, и ограничило их возможность препятствовать реализации интересов последних;

— экономические кризисы в России, вылившиеся для общества в недоверие к правительству и желание населения получить сегодня все, что можно, при этом любым способом, поскольку неизвестно, что будет завтра. На наш взгляд, данный фактор наиболее трудно искореним, поскольку имеет длительный временной период.

Из вышесказанного следует, что институциональная среда, благоприятная для манипулирования природной рентой, возникает как на уровне государства, так и на уровне фирмы, а в российской экономике деятельность по ее формированию приобрела изощренные формы. Решение этих вопросов требует формирования и поддержания системы эффективных, с точки зрения общества, государства и отрасли, институтов функционирования нефтегазового комплекса Российской Федерации. Главная задача государства в сфере недропользования — выработка такой структуры прав собственности на недра, чтобы с ее помощью можно было максимизировать доход при их эксплуатации (цель общества в лице государства — максимизация природной ренты, цель недропользователя — максимизация предпринимательского дохода — прибыли). В рамках этой задачи государство должно создать систему прав собственности на недра, которая в том числе минимизировала бы его затраты на спецификацию и защиту данных прав.

Российские ученые разделились во мнениях относительно оптимальных отношений собственности в нефтегазовом комплексе России. В частности, Д. С. Львов в книге с характерным названием «Вернуть народу ренту» [6, с. 39] пишет, что природная рента у нас оказалась «приватизированной» небольшим (не более 10% населения) числом граждан, ставших теперь миллионерами и миллиардерами. Некоторые из них вошли в число самых богатых людей мира. Около 90% населения России, значительная часть которого находится сейчас за чертой бедности, оказалась лишенной доступа к этому общественному благу. Для улучшения благосостояния народа необходимо развернуть поток

природной ренты в реальный сектор экономики путем национализации и направить ренту на повышение оплаты труда и социально-экономическое развитие России. Д. С. Львов предложил экономическую модель нового общества, в которой нравственные принципы станут основой хозяйственного поведения субъектов рынка. Главным из них является следующий принцип: то, что не является делом рук человеческих, а дано нам свыше, от Бога — окружающая нас природная среда и ресурсы, которые она дает нам для нашего здоровья и будущего развития, — должно принадлежать всем. Этот принцип должен найти отражение в такой цивилизованной форме, как обеспечение равного доступа каждому гражданину к природно-ресурсному потенциалу своей страны, а в глобальном контексте — всего планетарного сообщества. Только в этом случае могут быть обеспечены условия для восстановления и поддержания хрупкого равновесия между человеком и природой для сохранения социального мира на Земле и устойчивого экономического роста. В новом обществе ведущее место ученый отводит системе национального имущества, включающей такие базовые элементы экономики, как институты национального дивиденда и общественной ренты.

Ю. В. Разовский предлагает для обеспечения социальной направленности функционирования рыночной системы на конституционном уровне установить институт гражданской собственности, законодательно закрепив право каждого жителя страны на долю ее общенационального природного достояния [14, с. 183]. Он считает, что в цивилизованном социально ориентированном гражданском обществе именно гражданская собственность сможет обеспечить каждому гражданину существенную часть его доходов в форме гражданской ренты (арендной платы за использование природных богатств). Предлагаемая им гражданская собственность характеризуется следующими отличительными признаками:

— общественное владение природными ресурсами (они принадлежат всем гражданам России в равной мере по праву рождения или приобретения гражданства);

— платное использование (эксплуатацию природных ресурсов осуществляют корпорации, частные, государственные предприятия и организации, все берут их в аренду и только за плату);

— государственное или другое общественное распоряжение (государственные или общественные организации осуществляют лицензирование использования природных ресурсов, экспертизу проектов, контролируют природопользователей, определяют арендную плату, концентрируют и направляют ее в Общественный фонд гражданской ренты);

— частное присвоение ренты (средства всех видов ренты по закону справедливо распределяются в равных долях между всеми гражданами — собственниками природных богатств страны).

По мнению Ф. Харрисона [5, с. 91], никому не дано право заявлять о праве собственности на природные богатства нации. Такое богатство является общим достоянием, и оно должно служить общему благу, что возможно только при условии, если рентный доход, созданный этим богатством, делится между всеми гражданами страны. Это достигается посредством финансирования государственных услуг (программ) за счет рентного дохода. Если при этом остается часть добавочного дохода, то он может быть разделен поровну между гражданами в виде дивиденда.

С нашей точки зрения, при решении вопроса об оптимизации прав собственности в нефтегазовом комплексе нужно принимать во внимание следующие моменты. Во-первых, недра должны, безусловно, оставаться в собственности государства. Во-вторых, превращать всю цепочку производителей энергопродуктов в большую госкорпорацию или их вертикально интегрированную структуру вряд ли является эффективным решением. Государственный менеджмент исторически доказал свою низкую эффективность в принятии производственных решений. Так, оказавшись в составе «Роснефти», в 2005 г. «Юганскнефтегаз» заметно сократил рентабельность — с 26,9% до 21,5%. EBITDA[1] на тонну добытой нефти у компании снизилась на 13% до 1 099 руб. Для сравнения: у «Лукойла» этот показатель превышает за этот же период 4 000 руб. (по данным Инвестиционной компании «Баррель», www.barrel.ru/news). В госкорпорациях на руководящие должности нередко назначаются не специалисты своего дела, а легко управляемые лица.

[1] EBITDA (сокр. от англ. *Earnings before Interest, Taxes, Depreciation, and Amortization*) — аналитический показатель, равный объему прибыли до вычета расходов по процентам, уплаты налогов и амортизационных отчислений.

С нашей точки зрения, частно-государственное партнерство и смешанные формы собственности здесь могут быть более эффективными. Оптимальной системой прав собственности на недра, учитывающей всю структуру интересов и сложный механизм формирования рентных доходов в нефтегазовом комплексе, на наш взгляд, является следующая: собственность на недра — общественная; право владения и распоряжения недрами — государственное; право пользования недрами — частно-государственное; право на получение дохода — расщепленное.

В-третьих, необходимо четко определить, в каких пропорциях эффективно распределять ренту между частными корпорациями и государством. Лишение производящих и перерабатывающих компаний возможности распоряжаться хотя бы частью финансовых ресурсов может привести к ухудшению состояния их фондов, снижению инвестиционной активности, уменьшению стимулов для развития.

Список источников

1. *Бренделева Е. А.* Неоинституциональная экономическая теория. — М.: Дело и Сервис, 2006.

2. *Бьюкенен Дж.* Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы : пер. с англ.; Т. 1. / Фонд экономической инициативы; под ред. Нуреева Р.М. и др. — М.: Таурус Альфа, 1997. (Нобелевские лауреаты по экономике)

3. *Заостровцев А. П.* Г. Таллок и Р. Толлисон о поиске ренты // Семинар молодых экономистов. — 1997. — Вып. 3. Декабрь.

4. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория / Под общ. Ред. А. А. Аузана. — М.: Инфра-М, 2006.

5. *Лукьянчиков Н. Н.* Природная рента и охрана окружающей среды. — М. : Юнити-Дана, 2004.

6. *Львов Д. С.* Вернуть народу ренту. — М. : Эксмо ; Алгоритм, 2004.

7. *Малкина М. Ю.* Теория поиска ренты и российская действительность // Повышение благосостояния населения России. Проблемы и пути решения : сб. науч. тр. — Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2004.

8. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

9. *Нуреев Р. М.* Теория общественного выбора. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

10. *Ослунд А.* «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. — 2008. — №.8.

11. *Ослунд А.* Сравнительная олигархия. Россия, Украина и США // Отечественные записки. — 2005. — №1. [Электронный ресурс]. URL: www.strana-oz.ru.

12. *Полищук Л.* Экономическая эффективность и присвоение ренты. Анализ спонтанной приватизации // Экономика и математические методы. — 1996. — №2.

13. *Полтерович В. М.* Трансплантация экономических институтов. // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3.

14. *Разовский Ю. В.* Сверхприбыль недр. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.

15. *Ролан Ж.* Политико-экономические вопросы преобразования отношений собственности в Восточной Европе // Корпоративное управление в переходных экономиках ; под ред. М. Аоки и Х. Кима. — СПб, 1997.

16. *Скоробогатов А. С.* Инсайдерский контроль как фактор спадфляции // Теория и практика экономических реформ. [Тезисы конференции]. Ч. 2. СПб. 1997.

17. *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Новости, 1992.

18. *Хиллман А. К.* Западноэкономические теории и переход от социализма к рыночной экономике. Перспективы общественного выбора // Экономика и математические методы. — 2004. — №4.

19. *Hodgson J. M.* Economics and Institutions. A Manifesto for Modern Institutional Economics. Philadelphia, 1988.

20. *Krueger Anne O.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review. — 1974. — № 64.

УДК 330.33

ключевые слова: институт, рента, собственность, государство, политика, инсайдеры, комплекс, нефть, газ, доход, прибыль, ресурс